
НАЗАД В СССР: КУПРИН И ГОРЬКИЙ В ИЗОБРАЖЕНИИ В.Е. ГУЩИКА (1938–1940)¹

В статье в историко-литературном контексте рассматриваются ранее не изученные мемуарные тексты русского писателя-эмигранта В.Е. Гущика о А.И. Куприне и М.А. Горьком. Их анализ ставит вопрос о том, каким образом автор в межвоенную эпоху осмыслял прошлое, видел настоящее, представлял будущее. Статья позволяет осмыслить биографию, динамику мироощущения, а также генезис решения Гущика сотрудничать с советской властью в 1940 г. В работе показывается, что сближение с эстонской, затем с советской властью в 1939–1940 гг. представлялось писателю правильным средством ухода от нарастающего ощущения безнадежности, одиночества и страха перед будущим.

Ключевые слова: В.Е. Гущик, война, эмиграция, идеологический перевод, СССР.

Объектом исследования являются два текста русского эмигранта Владимира Ефимовича Гущика (1892–1947): статья «Куприн уехал» (1938) и неопубликованный очерк «“Великое сердце“. (Еще одна страница их жизни Максима Горького). Воспоминания» (1940). Анализируя повествование и историю взаимоотношений писателя с современниками, мы рассмотрим восприятие и оценку Гущиком общественных и культурных деятелей, живших в эмиграции и в СССР. Этот метод позволит описать два этапа идейной эволюции бывшего офицера Северо-Западной армии Н.Н. Юденича, который с конца 1930-х гг. все благосклоннее относился к СССР и весной 1940 г., за несколько месяцев до аннексии Эстонии, добровольно стал секретным осведомителем².

¹ Статья написана в рамках проекта IUT 34-30 «Ideology of Translation and Translation of Ideology: Mechanisms of Cultural Dynamics under the Russian Empire and Soviet Power in Estonia in the 19th – 20th Centuries».

² Работа на советскую разведку не спасла Гущика. 31 декабря 1940 г. начальник 2-го отдела УГБ НКВД ЭССР А. Мурро подписал постановление об избрании меры пресечения, 4 января 1941 г. был произведен арест В.Е. Гущика. Следствие вел лейтенант госбезопасности, старший оперативник 1-го отделения СПО УГБ НКГБ ЭССР П.М. Авдашев (1910–1941). В начале июня Гущик был переведен из Таллина в Киров. 15 июля ему было предъявлено обвинение по статьям 58-10-1 и 58-13. 9 сентября состоялось судебное заседание, которое приговорило Гущика к высшей мере наказания. 20 сентября Верховный Суд СССР удовлетворил кассационную жалобу, и расстрел был заменен на 10 лет

Биография и творчество В.Е. Гущика были освещены в двух обзорных статьях С.Г. Исакова в 1996 г.¹ Исследователь создал портрет самого крупного русского писателя Эстонии, который имел неоднозначный, противоречивый характер, часто конфликтовал, был верен идеям евразийства, хотя отличался неустойчивыми политическими взглядами и заслужил репутацию хамелеона. Вслед за С.Г. Исаковым мы развиваем тезис о том, что большинство текстов писателя может быть рассмотрено как единая система с четкими бинарными оппозициями: христианское – языческое, духовное – материальное, Россия – Европа, родина – эмиграция.

Рассмотрим основные события из биографии В.Е. Гущика до написания статьи о А.И. Куприне в 1938 г. Итак, в 1919 г. Гущик был на несколько дней арестован ЧК за антисоветские разговоры. Благодаря заступничеству А.М. Горького и А.В. Луначарского он был освобожден с запретом занимать ответственные должности в течение пяти лет². В октябре 1919 г. Гатчина, где жил писатель, была занята Северо-Западной армией Н.Н. Юденича. Во время отступления до Нарвы Гущик сопровождал редактора армейской газеты «Принервский край» А.И. Куприна, с которым познакомился в Гатчине летом 1917 г. В Эстонии в течение последующих 20 лет писатель занимался литературной деятельностью, работал над изданием журналов и

с поражением в избирательных правах на пять лет. В.Е. Гущик умер в больнице Унжлага 29 октября 1947 г.

¹ Статьи С.Г. Исакова не полностью совпадают друг с другом (ср.: [1. С. 244–259]). В работе, опубликованной в книге «Русские в Эстонии», автор также дает обзорную характеристику творчества и лагерных стихотворений Гущика (см.: [2. С. 250–251]). Детальная история создания, рецепции и общая характеристика сборников рассказов Гущика была описана С.Г. Исаковым в статье для «Литературной энциклопедии русского зарубежья. Книги. 1918–1940» (см.: [3. С. 189–196]).

² Источником этих сведений являются следственное дело В.Е. Гущика и неопубликованный текст жены старшего сына писателя Л.К. Гущик «Владимир Гущик. Годы жизни». Арест писателя был ошибочно отнесен Л.К. Гущик к 1917 г. [4. С. 90]; в следственном деле он датируется 1919 г., что соответствует, вероятно, истине (НКВД могло проверить время ареста по своим архивным данным). Интересно отметить, что в следственном деле Гущика не упоминается о заступничестве Горького и Луначарского, о котором пишет Л.К. Гущик. С одной стороны, умолчание об этом факте в материалах следственного дела может отражать позицию следователя и суда, которые не желали фиксировать то, что две культовые пролетарские фигуры участвовали в 1919 г. в освобождении арестованного в 1940 г. «врага советской власти». С другой стороны, в первые послереволюционные годы Горький и Луначарский имели репутацию противников арестов и расстрелов (см., например: «Несовременные мысли: Заметки о революции и культуре» Горького, письма В.Г. Короленко к Луначарскому). Поэтому нельзя также исключить предположение о том, что в памяти Л.К. Гущик освобождение В.Е. Гущика из ЧК могло связаться с именами Горького и Луначарского.

альманахов. Он опубликовал пять сборников рассказов: «Христовы язычники» (1929), «На краю» (1931), «Люди и тени» (1934), «Забывшая тропа» (1938), «Жизнь» (1939). Эти книги заслужили высокую оценку видных писателей и деятелей русской эмиграции, например А.И. Куприна, И.С. Шмелева¹, А.В. Амфитеатрова, Н.К. Рериха и др.

В сентябре – ноябре 1931 г. под редакцией А.П. Девиса² и В.Е. Гущика выходил журнал «Панорама». В первом номере был напечатан рассказ Гущика «Знак», в четвертом – «Новое поколение». В первом номере писатель опубликовал рецензию на роман Л.Н. Нольде «Не ржавели слова» (Рига, 1930). Гущик отметил стиль автора, поставил это произведение на второе место после романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» и процитировал эпиграф, слова св. кн. Довмонта-Гавриила: «Чести моей никому не отдам» (см.: [6. Т. 1. С. 19]). «Панорама» имела две рубрики, посвященные советской жизни: юмористическую («Самокритика СССР») и политическую («По СССР»). Рубрика «По СССР» состояла главным образом из фотографий с ироническим или саркастическим комментарием и была закрыта после выпуска второго номера журнала³.

В 1933 г. писатель организовал при спортивном и культурно-просветительском обществе «Витязь» литературную секцию и отдел имени профессора Н.К. Рериха в Эстонии. Участие Гущика в этих кружках было недолгим и закончилось разрывом, вызванным, по

¹ Так, Шмелев отметил три рассказа Гущика из сборника «Христовы язычники» (1929), посвященные изображению человека в революционную эпоху: «Вы достаточно умелый. “Жмы” – крепкий рассказ, очень сжатый и сосредоточенный и – широкий. Верно взято. Чудесен и “Ничьи”. Та же манера в рассказе прекрасном “Шесть дней”» [5. С. 191].

² А.П. Девис (1886–1942) был арестован органами НКВД 24 сентября 1940 г. и осужден на 8 лет.

³ В следственном деле Гущика, в постановлении об изъятии вещественных доказательств (15 июля 1941 г.) указаны номера 1, 4, 5 журнала [7. Л. 45]. Два листа из второго номера «Панорамы» были также пришиты к делу писателя, в частности страница с рубрикой «По СССР». Кроме фотографий здесь был напечатан отрывок из «исповеди» Ксении Кетовой, кандидата ВКП (б). Редакция журнала обозначила цель этой публикации – показать, «какие люди ценятся в СССР и какие приемы поощряются и награждаются коммунистической партией» [6. Т. 2. С. 13]. Текст повествует о доносах, слежке Ксении Кетовой, расцениваемых как проявление политической сознательности. См.: «Пошла я, товарищи, работать в комитет бедноты. Да так работала тихо, негласно – знала я всех кулаков в деревне и разоблачала, чтобы не примазывались. <...> В оба глаза надо смотреть, и на завод полезут кулаки, а я уж двух взяла на заметку. – Потом Колчак нашу деревню забрал, а я с подпольной ячейкой связалась. <...> Вот я и работала. С красными партизанами связь держала, что в деревне говорят – все в ячейку» [6. Т. 2. С. 13]. На следствии Гущик, признавая участие в «антисоветском» журнале «Панорама», подчеркнул, что «был техническим редактором и не мог ничего изменить» [7. Л. 55 об. – 56].

свидетельству А.А. Булатова¹, самой фигурой писателя, «человека неопределенных (довольно быстро меняющихся) взглядов, очень грубого и мало заносчивого нрава» [8. Л. 92 об.]. В апреле 1934 г. после выхода из общества «Витязь» он решил основать самостоятельное Рериховское общество. Просьба о финансовой поддержке и беспринципность Гущика вызвали возмущение Е.И. и Н.К. Рерихов. Е.И. Рерих признавалась в письме к К.И. Стуре от 15 ноября 1934 г.: «<...> за всю мою жизнь ничего более низкого и грубого не встречала. И это пишет интеллигентный человек и еще писатель!» [9. С. 120].

Гущик мог одновременно поступать и высказываться различным, взаимоисключающим образом. Для него были характерны эклектизм, нецельность, прагматизм, определенная беспринципность. 18 октября 1938 г. Н.К. Рерих с недоумением и раздражением писал таллинскому корреспонденту П.Ф. Беликову о В.Е. Гущике: «Подумайте только, мне он пишет: “Дорогой Учитель”, а в то же время за углом произносит хулу и клевету. Жаль видеть, когда способный человек допускает такую мрачную некультурность в своих действиях. <...> Спрашивается, к чему Гущик портит свой собственный путь» [10. С. 125]. Мотивы поступков Гущика неоднократно оказывались для современников необъяснимыми с точки зрения здравого смысла и представления о писателе.

В 1938 г. Гущик издал единственный номер альманаха «Поток Евразии»², в котором были опубликованы две его статьи. Первая – от редакции – называлась «Поток Евразии» и затрагивала общественно-политические и социально-культурные вопросы; вторая статья – «Куприн уехал» – характеризовала отношение русских эмигрантов к вернувшемуся в СССР писателю. Прежде чем перейти к анализу статьи, рассмотрим кратко взаимоотношения двух писателей.

А.И. Куприн, познакомившийся с Гущиком в Гатчине летом 1917 г., поддерживал с ним переписку в эмиграции³, отметил рассказ

¹ А.А. Булатов (1877–1941) – бывший помещик и комиссар временного правительства в Новгороде, в 1922 г. эмигрировал из Советской России, в 1936 г. открыл книжный магазин в Таллине. В 1940 г. он был арестован и в 1941 г. расстрелян.

² В 1939–1940 гг. Гущик выпустил три евразийских сборника «Витязь».

³ Письма А.И. Куприна к В.Е. Гущику хранятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом). Во время работы над статьей эти тексты были мне недоступны, так как находились на реставрации. Отдельные письма и фрагменты из них были опубликованы в середине 1980-х гг. (см.: [11, 12]). В письмах Куприн рассказывает о

друга «Шесть дней»¹: «Дневник очень и очень хорошо! Просто и талантливо. Bravo! Бис!». Отзыв Куприна был напечатан на концевом титуле третьего сборника Гущика «Люди и тени» (1934) [14] и в его пятом сборнике рассказов «Жизнь» (1938) [5. С. 188]. Рассказ Гущика мог, вероятно, подтолкнуть Куприна к описанию своего арестантского опыта². В 1930 г. он написал два автобиографических рассказа «Обыск» и «Допрос». Как известно, писатель был арестован 1–4 июля 1918 г. Поводом послужила его статья «Михаил Александрович»³, опубликованная в газете «Молва» 22 июня 1918 г.

Интересно, что за три года до появления купринских рассказов Гущик посвятил трагической судьбе брата Николая II повесть «Тайна Гатчинского двора: Великий князь Михаил Александрович» (1927). В рассказе «Допрос» Куприн вводит отсылку к фигуре отца Гущика. Автор упомянул личного ординарца генерала М.Д. Скобелева, которым, как известно, был Ефим Викентьевич Гущик. Отметим, что уже в повести «Однорукий комендант» (1923, парижский альманах «Окно») Куприн использовал фигуру отца Гущика для создания образа Лещика Ефима Андреевича, об этом факте Гущик упоминает в рассказе «Таинственный талисман (Быль)» (см.: [5. С. 158]). В свою очередь, Гущик посвятил Куприну рассказы «На рыбалке» (из сборника «Христовы язычники») и «Сила» (из сборника «Забытая тропа»). Как отметил С.Г. Исаков, в автобиографическом рассказе «Сила» А.И. Куприн является «прототипом главного героя – старого писателя Ивана Александровича» [1. С. 256].

Личные контакты в России, обмен книгами, переписка между двумя писателями давали каждому из них творческие импульсы и

своей трудной жизни в Париже, выражает мнение о произведениях Гущика (в частности, критически отзываясь о его стихах), говорит о книгах и литературном быте.

¹ «Шесть дней» входят в первый сборник рассказов Гущика «Христовы язычники» (1929). Текст написан в форме дневника арестанта и повествует об аресте и шести днях пребывания в тюрьме ЧК в марте 1919 г. Автор показывает изменение душевного состояния заключенных: злорада, досада, страх, апатия, «холодный ужас». Рассказ заканчивается сломом сознания главного героя, отчаянным желанием вырваться из «этой кошмарной комнаты <...> от этих итогов людского убожества! <...> В мертвую пустоту... в темную ночь ... в небо... в пространство!...» [13. С. 52]. Бывший товарищ министра иностранных дел в правительствах А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, евразиец П.Н. Савицкий подчеркнул трагическое напряжение рассказа и достоверность переданных писателем отдельных подробностей [5. С. 190–191].

² Устная история обыска и ареста писателя была хорошо известна в литературных кругах, во многом, как отметил К.И. Чуковский в 1919 г., благодаря самому А.И. Куприну [15. С. 239].

³ Великий князь Михаил Александрович был выслан большевиками из Гатчины в марте 1918 г., ночью 13 июня он был тайно расстрелян вблизи Перми.

свидетельствовали о теплых дружеских чувствах. Неслучайным было появление совместной, сделанной в Гатчине в начале 1918 г., фотографии Куприна и Гущика в пятом номере журнала «Панорама», издававшемся младшим другом. Куприн стал для Гущика литературным и личным авторитетом¹.

В 1937 г. А.И. Куприн вернулся в СССР. Статья Гущика «Куприн уехал» была опубликована в 1938 г. в альманахе «Поток Евразии». Текст условно состоит из трех частей. Сначала автор критикует отношение к Куприну русских эмигрантов (И.А. Бунина, Ф.И. Шаляпина и др.), не оказавших ему материальной помощи; затем Гущик резко отзывается об эмигрантах (П.М. Пильском, З.Н. Гиппиус, особенно И.Л. Солоневиче, издатель «Голоса России», и др.), осудивших возвращение Куприна в СССР. В заключение он приводит выдержки из личной переписки с Куприным, в которых тот описывает свое тяжелое душевное настроение. В статье Гущик изображает Куприна «живым воплощением русской культуры», одиноким и брошенным на произвол судьбы, окруженным «патристическими фарисеями». Писатель предстает жертвой «злобности и черствости эмигрантского эгоизма». Вслед за уехавшим Куприным Гущик ментально отделяет себя от эмигрантского мира: «Господи! Пронеси всех скорее через это страшное поле, имя которому – Зарубежье!» [17. С. 103]. Статья «Куприн уехал» заканчивается цитатами из писем писателя, в которых он обрисовал свое ожидание от советской власти: «Скажу Вам, что живется мне мерзко. Короче: если бы в России меня оставили в покое, на какой угодно едальной категории, то я со своей стороны обещал бы не делать никакой политики и не “наводить мораль”. И я чувствовал себя гораздо лучше, чем в Париже» [17. С. 107]. В обмен на иждивение и спокойную жизнь писатель согласился хранить молчание и не критиковать происходящее в СССР. Идеино-политическая позиция Куприна, который был личным авторитетом для Гущика, могла оказать влияние на его убеждения и коллаборационизм в 1940 г.².

¹ Примером отражения купринского текста в произведении Гущика может служить рассказ «Еж Ежович». Необычное имя главного героя, вероятно, отсылает к детскому рассказу Куприна «Еж» (1913): «К детям, к двум сорванцам, **еж ежович** был очень внимателен...» [16. С. 488]. Прагматика выбора имени Еж Ежович из купринского рассказа может быть объяснена стремлением Гущика подчеркнуть руссоизм и естественность в жизни героя, в котором природное начало носит созидательный, гармоничный характер и который в годы Гражданской войны ведет праведный образ жизни.

² Отметим факты личностного влияния Куприна на Гущика. В брошюре о президенте К. Пятсе (1940) Гущик привел разговор между Куприным и королем Александром I Кара-

Куприн умер 25 августа 1938 г. в Ленинграде. Гуцик откликнулся на смерть друга «Прозаическими стихами (На смерть Куприна)», опубликованными в сборнике рассказов «Жизнь» (1938). Это произведение состоит из шести отрывков, каждый из которых заканчивается фразой «Страшно очень. Страшно, да». Эта реплика трижды является ответом Куприна лирическому «я», писателю, который обращается к нему: «Страшно мне».

Воет, плачет непогода. Ночь осенняя темна <...> На Голгофе распинали честь и стыд. Голод... холод... тиф... Иоффе... Троцкий... гадость... срам и лесть. <...> На забытого Отца зубы скалили, урчали из-за каждого куска <...> Спи. Печальна повесть эта. Спи, ушедший навсегда. – Страшно мне! Но нет ответа: – Страшно очень! Страшно, да! [5. С. 182–184].

Текст строится вокруг описания страхов или событий из жизни Куприна: революции, Гражданской войны, жизни в эмиграции, смерти. Точка зрения автора совпадает с лирическим «я»: он, как и герой-Куприн, помнит кровавое прошлое, видит настоящую душевную черствость людей и предчувствует будущую беду. Главная тема и поэтическая эмоция, которая организует повествование о Куприне, – это нарастающий страх, отчаяние человека перед враждебным миром. По моему мнению, возвращение в СССР и смерть Куприна стали важным толчком к размышлениям Гуцика о своей будущей судьбе. В 1938–1939 гг. в его душе усилились чувства страха, неуверенности, безысходности, оборотной стороной которых, по свидетельству современников, были резкость, раздражение, грубость.

В мае 1939 г. писатель был принят на службу при Министерстве народного просвещения Эстонии; он систематизировал русские кни-

георгиевичем с целью демонстрации идеи, что заслуженная любовь народа к правителю является критерием государственного благополучия (см.: [18. С. 5]). В Унжлаге (1941–1947) Гуцик написал воспоминания о Куприне, которые ему удалось переслать жене. Этот текст, хранящийся в рукописном отделе Пушкинского Дома, состоит из трех частей: Первая встреча (Лето семнадцатого) – Учитель – Гражданин. Ср., например, диалог между Куприным и Гуциком: «– Во всяком случае, если в России произойдут большие революционные сдвиги и государство будет построено на новых, более справедливых началах, то нас с вами там будет последнее место! <...> – Кому-кому, а уж вам-то должно быть определено почетное место, не вам ли обязаны массы своим презрением к полицейскому режиму? Куприн вздохнул, ниже опустил голову и тихо сказал: – Мало, слишком мало мною сделано» [19. Л. 29об. – 30]. Гуцик усиливает и подчеркивает левые, просветские настроения Куприна – еще до начала осенних событий 1917 г. На характер воспоминания, несомненно, повлияло участие Гуцика в общественно-культурных мероприятиях в Унжлаге; писатель волей-неволей переводил свои устные и письменные тексты в идеологически приемлемый регистр.

ги в библиотеках¹. В первой половине 1940 г. вышли три книги Гущика о выдающихся эстонских деятелях, написанные по заказу Министерства народного просвещения Эстонии. Как установил С.Г. Исаков, эти брошюры были напечатаны в издательстве «Libris» за государственный счет и имели официальный характер, их цель заключалась в утверждении среди русского населения идеологии «националистического фундаментализма» [1. С. 250–251]². Весной 1940 г. писатель принял предложение о сотрудничестве с советской разведкой³. После аннексии Эстонии в июле 1940 г. Гущик числился

¹ Отметим, что сближению Гущика с эстонской властью способствовал поданный президенту К. Пятсу доклад о положении Печерского края (см.: [7. Л. 31–32]). Проект не был реализован в полной мере. 21 мая 1940 г. директор департамента молодежи и неформального образования Й. Веллеринд сообщил министру просвещения В. Нормакку об отсутствии денег для оплаты труда Гущика (см.: [20. Л. 297]).

² К следственному делу Гущика приложены две книги «Наш президент Константин Яковлевич Пятс» и «Наш главнокомандующий генерал Иван Яковлевич Лайдонер». *Per aspera ad astra* – главная метафора, положенная в основу конструирования образов государственных героев. В пропагандистских целях писатель был способен идеализировать и мифологизировать представителей авторитарной власти. Однако Гущик, не связанный с идеологической работой, скорее негативно оценивал носителей сильной абсолютной власти, что отразилось на концепции пьесы о Петре I «Антихрист» (1939). В основе ее сюжета лежит противостояние между Петром I и его сыном Алексеем. Идейными и литературными источниками пьесы являются произведения Д.С. Мережковского: роман «Антихрист. Петр и Алексей» (1904) и трагедия «Царь Алексей» (1918). Пьеса Гущика представляет собой выражение концепции личности как сочетания и противостояния двух начал: созидającego и разрушающего. Писателя интересует драматический конфликт этического выбора между личным и государственным, который является борьбой добра (христианского начала) и зла (антихриста). В отличие от романа Мережковского в пьесе Гущика Петр понимает ужас совершенного им преступления и справедливость отрицательного взгляда народа. В финале царь восклицает: «Лешку моего!... Лешку! (Вскакивает, угрожающе подымает вверх кулаки и кричит) Антихрист! Антихрист я! (Но тотчас приходит в себя, испуганно озирается <...>) видит Бог... не по личному почину... не ради чего... а только ради счастья Российского! [21. С. 45]. Гущик подчеркивает невозможность достичь душевной гармонии, когда служение государству требует от правителя быть по ту сторону добра и зла.

³ По гипотезе С.Г. Исакова, «работа в советской разведке явно объясняется не причинами материального порядка: в конце 1930-х гг. В.Е. Гущик был уже материально обеспечен <...>. Вполне можно допустить, что причины тут могли быть идейного порядка <...> В.Е. Гущику могло показаться, что его работа на пользу будущей России-Евразии» [1. С. 252]. Неубедительным является стремление А. Борисова объяснить поступок Гущика его творческой, впитывающий в себя все натурой [22]. Для С.Г. Исакова трудность заключается в осознании, каким образом деятельность Гущика на советскую разведку могла сочетаться «с работой в эстонском государственном аппарате, с созданием официальных пропагандистских брошюр о вождях Эстонской Республики [1. С. 252]. Одним из источников, объясняющим мышление писателя весной 1940 г., могут служить его рассказы о революции и войне. В рассказе «Ничьи» (сб. «Христовы язычники») крестьянин Адралион повествует Игнатке о том, как он пережил Гражданскую войну. Когда в деревню пришли красные и хотели мобилизовать мужиков, он убежал в лес; на следующий день

сотрудником Министерства внутренних дел, занимал должность пограничного секретаря, но уже в августе был переведен в Таллинский городской административный отдел, а затем назначен на менее престижную должность директора зоопарка. 4 января 1941 г. органы НКВД арестовали писателя.

За два с небольшим месяца до ареста, в октябре 1940 г. Гущик написал воспоминание об А.М. Горьком «Великое сердце», повествующее о заступничестве писателя за художника-карикатуриста П.Е. Щербова. Этот текст состоит из трех частей. В первой Гущик рассказывает о встрече с Шаляпиным, во второй – с Горьким, в третьей – о судьбе своей ненапечатанной статьи в защиту Горького.

В статье «Куприн уехал» Гущик, нелестно отзываясь о пограничной жизни певца, вспомнил историю Щербова и обещал ее позднее рассказать (см.: [17. С. 86–87]). В статье «Великое сердце» писатель подробно на ней останавливается. Текст о Горьком был инспирирован желанием Гущика как сохранить память о великодушном поступке писателя, так и отрицательно изобразить Шаляпина:

<...> Октябрьская революция застала Павла Егоровича в его особняке¹. <...> И вот, однажды, у него среди ночи, неожиданно произвели обыск. <...> сам «домовладелец» арестован и обвинен в спекуляции коврами и игральными картами, а за «сокрытие оружия» было предъявлено особое обвинение. Помню, что все дальнейшее происходило в воскресенье. Чуть свет, ко мне на квартиру пришла взволнованная жена Александра Ивановича Куприна и от имени мужа просила меня срочно выехать к Шаляпину и к Горькому хлопотать о Павле Егоровиче, которому грозила крупная непри-

он, голодный, вернулся домой и оказался уже среди белых, которые его записали в полк; однако Адралион от них также сбежал в лес.

– Тогда все перепуталось, стреляли и справа и слева, не разберешь. В лесу все зеленые, потом и друзей нашел. Жили душа в душу. Вспомнишь – за сердце хватает!

– А чьи же вы были?

– А ничьи! [13. С. 20].

Герою чужды общественно-политические идеи, военно-этические понятия о долге и чести. Он сохраняет гармоничность и цельность натуры вне зависимости от любых событий, общественно-политических явлений и форм. Герой – это самостоятельный, естественный и свободный человек, который принадлежит только себе. Однако в реальной ситуации 1940 г. «литературная» модель поведения, основанная на отстранении или сознательном уходе и отказе от идеологического выбора, обернулась для Гущика политическим релятивизмом и коллапсом нравственных ценностей.

¹ Наружное описание дома Щербова было дано Гущиком в статье «Куприн уехал» [17. С. 93]. Писатель упрекал П. Пильского, осуждавшего возвращение Куприна в СССР, который в своей статье указал неверное количество этажей в доме художника.

ятность. И я тотчас же отправился в Ленинград <...> С варшавского вокзала отправился я на Каменноостровский проспект <...> на одной из боковых улиц (не помню названия) проживал Ф.И. Шаляпин. <...> Передаю ему все, что мне известно о злополучном аресте Павла Егоровича и, почти буквально, слышу в ответ: – <...> Нет-с, слуга покорный, я не намерен из-за его ошибок рисковать своим благополучием. Да к тому же, мне некогда: я спешу на дневной концерт. Извините. До свидания. Ровно ничего не могу сделать!

Общая линия поведения Шаляпина, по-видимому, описана Гущиком верно. В воспоминаниях И.А. Бунин заметил о Шаляпине, которого считали левым в царское время, что он «при большевиках уже не был столь храбр» [23. С. 76]. Фрагмент о Шаляпине заканчивается следующим пассажем:

<...> Много лет спустя, когда я наслышался о его «подвигах», я понял, что это был за отвратительный тип! Довольно его наглого признания, что: «Горький зовет меня петь для русского народа, но не могу же я ради Горького ссориться с принцем Уэльским!»

Источник фразы Шаляпина установить не удалось. Отметим характерный выбор Гущиком сведений из жизни певца: он исключительно негативный. Вместе с тем в круг чтения писателя могли попасть мемуарные книги Шаляпина «Страницы из моей жизни» (1926) и «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах» (1932), из которых он мог узнать и о великодушных поступках певца. Например, о выдвинутом Шаляпиным условии поездки в Лондон в 1921 г., что «этот концерт будет в пользу голодающих русских» [24. С. 111], или о его безуспешном заступничестве за баронов братьев Владимира и Николая Стюартов (см.: [25. С. 88]). Односторонне-отрицательное отношение Гущика к Шаляпину в конце 1930-х гг. имело несколько причин: поведение певца в деле Щербова, роскошная жизнь баса в эмиграции¹, его безразличное отношение к больному Куприну (см.: [17. С. 102]).

В статье после сцены посещения Шаляпина Гущик описал встречу с Горьким:

¹ В рассказе Гущика «Колесо жизни» (сб. «На Краю», 1931) сталкиваются два героя, две точки зрения на Россию, интеллигенцию, народ, эмиграцию. См. эмоциональные, исключительно отрицательные высказывания в адрес эмиграции: «Не Россия, а собственная шкура и деньги, – идеал эмиграции! Не верь их ломанию...» [26. С. 101]. Название рассказа Гущика, вероятно, отсылает к названию романа Куприна «Колесо времени» (1929).

<...> Я увидел усталое, доброе, немного озабоченное морщинистое лицо с жесткими усами и с тихими задумчивыми глазами: видно, он что-то еще обдумывал, от чего оторвал его мой звонок. <...> Когда я говорил о Щербове, он глядел мне прямо в глаза, встревоженный и настороженный. <...> Здесь я рассказал о своем визите к Шаляпину. Он только отмахнулся. <...> Он соединился по телефону и все тем же озабоченным, встревоженным тоном стал говорить, что он сейчас на автомобиле выедет к ним, что Павел Егорович Щербов <...> знаменитый художник <...> что это его личные коллекции, очень редкие и дорогие¹, и что к Щербову следует отнестись с уважением. <...> Через час он выступил в Совете, а еще через час, взяв под руки Павла Егоровича и председателя, шел широкими шагами к дому Щербова пить чай.

В отличие от описания Шаляпина Гуцик рисует портрет Горького, наделяет его внешними и психологическими чертами. Не случайным является выбор названия для воспоминания «Великое сердце». Хотя это выражение является штампом, название может иметь источник – слова Порфирия Петровича, обращенные к Раскольникову: «А вы великое сердце имейте да поменьше бойтесь» [27. С. 351]. Роман «Преступление и наказание» (1866), по нашей гипотезе, актуализирован Гуциком в рассказе «Поручик Кораблев»².

При анализе «Великого сердца» необходимо обратить внимание на «географический» статус героев. За исключением П.Е. Щербова персонажи делятся на два идеологически различных лагеря: убежденные эмигранты (Бунин и Шаляпин; последний отклонил к тому же предложение Горького о возвращении в СССР³) и возвращенцы (Горький и Куприн). В зависимости от окончательного выбора автор

¹ В книге «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах» Шаляпин отметил любовь Горького к коллекционированию: «То он собирал старые ружья, какие-то китайские пуговицы, то испанские гребенки и вообще всякий бзик-а-брак» [25. С. 82].

² В рассказе «Поручик Кораблев» (сб. «Забывтая тропа») Гуцик изображает допрос поручиком контрразведки Кораблевым арестованного коммуниста. Оба героя проникаются пониманием и симпатией друг к другу, но доверительный разговор не спасает Сковрцова. В связи с этим рассказом отметим, что личный опыт Гуцика мог стать одним из источников текста. Писатель в 1919 г. был назначен в штаб дивизии Северо-Западной армии в аппарат поручика Ф.А. Бронина, главы контрразведки Талабского полка. Вопрос о том, является ли Бронин или кто-то из следователей его аппарата (Феофилин, Ю.И. Рымша, А.Н. Молчанов) прототипом героя рассказа Гуцика, остается открытым. Интересно, что в своих показаниях Ф.А. Бронин, перечисляя состав сотрудников, не назвал фамилию Гуцика (см.: [28. Л. 27–27 об.; 32–32 об.]).

³ Этот факт мог быть известен Гуцику: об этой истории, об отношении к Горькому, о разрыве с писателем Шаляпин рассказал в книге «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах» (1932).

характеризует своих героев. Бунин и Шалапин изображены в одностороннем отрицательном ключе, наоборот, вернувшиеся в СССР и отказавшиеся от личной свободы Куприн и Горький – в исключительно положительном. Дистанцирование от Бунина и Шалапина, акцентирование близости к Куприну и восхищение Горьким должны были, по замыслу Гущика, представить его в выгодном, просоветски настроенном свете.

И тогда я понял <...> каким изумительным, чутким, добрым, умным и отзывчивым человеком был наш великий писатель Максим Горький! И внутренне я поклялся быть верным этому человеку. <...> когда после его смерти, вся заграничная пресса и русская и иностранная, во главе с писателем Иваном Бунинным¹, обрушилась мерзейшими статьями на его память. <...> Я нашел в себе мужества выступить с открытым письмом-статьей и разгромить мерзавцев, осмелившихся пятнать его имя. Редактор газеты сочувствовал моему возмущению, цензура в день выпуска газеты прозевала статью и только на второй день конфисковала номер и закрыла газету [29. Л. 1 об. – 3 об.].

Гущик закончил воспоминание кратким и неясным упоминанием о запрещенной статье о Горьком. Сегодня мы можем внести следующие пояснения. Статья была подана в газету «Новая Искра» (Вильна), которая выходила в 1936–1937 гг.² и редактором которой был литератор, критик, общественный деятель Д.Д. Бохан (см. о нем: [30. С. 143–150]). Выбор журнала оказался неслучайным. В номере от 2 сентября 1936 г. был впервые опубликован текст Гущика «Наш бал (отрывок из письма эмигранта)», в 1937 г. его художественные тексты часто появлялись на страницах газеты³. Гущика

¹ Разрыв между Буниным и Горьким произошел после прихода к власти большевиков. В воспоминаниях о Горьком (1936) Бунин подвел итог: «Тут случилось, что человек, с которым у меня за целых двадцать лет не было для вражды ни единого личного повода, вдруг оказался для меня врагом, долго вызывавшим во мне ужас, негодование. С течением времени чувства эти перегорели, он стал для меня как бы несуществующим» [23. С. 83]. В мемуарном тексте Гущик имеет в виду статью Бунина о Горьком, опубликованную в газете «Иллюстрированная Россия» в июле 1936 г.

² Газета начала издаваться 3 апреля 1936 г. В программной передовице газета ставила своей задачей «стоять на страже государственных интересов, так и культурных, национальных и религиозных интересов русского и всего православного населения Польши» // Новая Искра. 1936. № 1. 3 апр. С. 1. <Автор выражает благодарность П.М. Лавринцу за предоставленные материалы. – Т.Г.>

³ Как установил П.М. Лавринец, публикации Гущика в «Новой Искре» за 1937 г. были следующие: «Чорт» № 35 (299), 20 февраля; № 36 (300), 21 февраля; «Рыжий» № 42 (306), 27 февраля; № 43 (307), 28 февраля; № 45 (309), 2 марта; «С Иваном Максимовичем

и Бохана также объединяли общие евразийские взгляды. Не случайно писатель опубликовал отрывок из отзыва Бохана на его рассказы в сборнике «Жизнь» [5. С. 185]. (Бохан отметил краткость слога писателя, его знание эмигрантской и советской жизни.) Отметим, что в июне 1936 г. Бохан был приговорен к двум неделям ареста, в 1937 г. с 8 по 17 февраля газета не издавалась. Последний номер был выпущен 18 апреля 1937 г. Вопрос о том, в какой мере статья Гущика в защиту Горького спровоцировала закрытие польскими властями «Новой Искры», остается открытым. Однако есть основания также предполагать, что ее закрытие стало результатом конфликта с польскими властями или банкротства.

Итак, в мемуарном тексте «Великое сердце» писатель подчеркивает отсутствие границы для Горького между литературной деятельностью (которой он занимался до прихода Гущика) и заступничеством за Щербова. Творчество и жизнь Горького оказываются единым и нераздельным, они объединены гуманизмом писателя. Горький предстает цельной и бескорыстной, нравственно безупречной личностью и является идеальным примером для восхищения. Интересно, что Гущик изобразил Горького полной противоположностью себе, каким он был в жизни.

Существенно подчеркнуть, что воспоминание о Горьком было написано в атмосфере репрессий, когда советская карьера Гущика пошла на спад, когда оставалось немногим более двух месяцев до его ареста. По моему мнению, прагматика этого текста заключалась, прежде всего, в стремлении упрочить свое пошатнувшееся положение. В этой связи более понятным становится резкая неприязнь автора к Шаялину-эмигранту и симпатия к Горькому – главе советских писателей. Отметим выбор сюжета для воспоминания о Горьком в конце 1940 г. Гущик, бывший советский агент, написав текст о заступничестве Горького за невинно арестованного Щербова, показал несправедливость и ошибочность действий ЧК. Рассказ о поступке Горького (известного к тому времени и по статье «Если враг не сдается, его уничтожают», 1930) также акцентировал идею о необходимости доброты, справедливости, милосердия – о возвращении человека к христианской стороне своей натуры.

(Посвящается друзьям охотникам)» № 50 (314), 7 марта; № 51 (315), 8 марта; 15–16 марта печатался «Писатель», а с 20 марта по 3 апреля, затем с 8 по 18 апреля – «Фантастическая явь (Повесть не для простого читателя, а для пишущей братии. Не-литератору она будет скучна, а литератору, если и скучна, то и поучительна)».

Начало изменения отношения Гущика к СССР точно датировать трудно, важнее указать вектор: от резкого неприятия, стремления рассказать правду к конформизму и моральному релятивизму. Эмигрантская жизнь и евразийство Гущика, особенно возвращение и смерть Куприна в СССР, всеобщее чувство неизбежности Второй мировой войны влияли на его мироощущение. В своих произведениях он противопоставляет Россию / СССР – Европе. Место проживания (в эмиграции или в СССР) влияло на описание и оценку писателем того или иного деятеля.

Отношения Гущика с властями развивались по параболе: после использования писателя, стремившегося играть заметную роль, от него дистанцировались. В 1939–1940 гг. Гущик стал заложником мифа о деятельном, полезном власти писателе. Парадокс Гущика заключался в том, что мысль писателя о жестокости и несправедливости (на примере описания ареста П.Е. Щербова и заступничества А.М. Горького) не исключала, а допускала обывательскую мысль о сотрудничестве с советской властью как средстве выживания. Нравственная раздвоенность и внутренняя надломленность лежат в основе личностного коллапса Гущика. Свою душевную трагедию писатель осознал после приговора суда. В Унжлаге он начал писать стихи, и художественное самоосознание стало путем к личностному перерождению.

Литература

1. Исаков С.Г. Жизнь и творчество В.Е. Гущика. Статья 1. Биография // Блоковский сборник XIII: Памяти В.И. Беззубова: Русская культура XX века: метрополия и диаспора / ред. А. Данилевский. Тарту, 1996. С. 244–259.
2. Исаков С.Г. Жизнь и творчество В.Е. Гущика // Исаков С.Г. Русские в Эстонии, 1918–1940: Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. 400 с.
3. Исаков С.Г. Гущик Владимир Ефимович (1892–1947) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М., 2002. Т. 3. Книги: Ч. 1. С. 189–196.
4. Гущик Л.К. Владимир Гущик. Годы жизни // Tartu Ülikooli raamatukogu. F. 157 (Архив С.Г. Исакова). Nim. 2. S. 177 (В.Е. Гущик: статьи С.Г. Исакова по теме, переписка, рабочие материалы... 1994–2000). С. 90–95.
5. Гущик В.Е. Жизнь. Пятый сборник рассказов. Кн. 7. Bruxelles: Petropolis, 1938. 192 с.
6. Панорама. Иллюстрированный номер 15 дней / изд. А. Девис, В. Гущик. Таллин, 1931. № 1–5.
7. Гущик В.Е. [Следственное дело] // ERAF. F. 129 SM. Nim. 1. S. 2349-1.
8. Булатов А.А. [Следственное дело] // Ibid. S. 25572.
9. Рерих. Е.И. Письма: в 9 т. Т. 2: 1934 / ред.-сост. Т.О. Книжник. М.: МЦР, Благотворительный фонд им. Е.И. Рерих: Мастер-Банк, 2000. 576 с.

10. *Непрерывное* восхождение: К 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова (1911–1982): в 2 т. Т. 1: Воспоминания современников. Письма Н.К. Рериха, Ю.Н. Рериха, С.Н. Рериха. Труды / сост. К.А. Молчанова. М.: МЦР: Мастер-Банк, 2001. 504 с.
11. «Чем талантливее человек, тем труднее ему без России...»: Из писем А.И. Куприна В.Е. Гущик / публ. Р. Каэра // Литературная газета. 1988. № 38. 17 сент.
12. *Неизвестные* письма А.И. Куприна из Парижа в Таллин / публ. и коммент. Р. Каэра // Радуга. 1987. № 4. С. 71–77; № 6. С. 40–45.
13. *Гущик В.Е.* Христовы язычники. Таллин: В. Гущик, 1929. 192 с.
14. *Гущик В.Е.* Люди и тени: сб. рассказов. Кн. 3. Таллин: Русская книга, 1934. 208 с.
15. *Чуковский К.И.* Дневник: в 3 т. Т. 1. 1901–1921 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. М.: ПрозаиК, 2011. 592 с.
16. *Куприн А.И.* Повести и рассказы: в 2 т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 2. Рассказы. 622 с.
17. *Поток*: сб. Кн. 1. Tallinn: Libris, 1938. 112 с.
18. *Гущик В.Е.* Наш президент Константин Яковлевич Пятс. Tallinn: Libris, 1940. 23 с.
19. *Гущик В.Е.* Куприн Александр Иванович: (Мои воспоминания): Материалы для составления биографии писателя А.И. Куприна. Автограф. В самодельной тетради. 1946. 43 л. // ОР ИРЛИ. Архив В.Е. Гущика. Ф. 220. Оп. 1. № 12.
20. *Koolide raamatukogude mittevajaliku venekeelse kirjanduse üleandmine vene vähemusrahvuse koolidele ja avalikele raamatukogudele. Alustatud 19. IV. 1939. Lõpetatud 21. V. 1940* // ERA. F. 1108. Nim. 7. S. 297.
21. *Гущик В.Е.* Антихрист: пьеса в 3 действиях и 4 картинах. Tallinn: Libris, 1939. 45 с.
22. *Борисов А.* «Чем ближе тыл, тем жить в нем... гаже»: А.И. Куприн и В.Е. Гущик // Молодежь Эстонии. 2004. (24 янв.). URL: www.moles.ee/04/Jan/24/21-1.php (дата просмотра: 01.02.2017).
23. *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 9: Воспоминания. Дневник 1917–1918 гг. Дневники 1881–1953 гг. Первые литературные шаги. Перед грозой. Интервью разных лет. 592 с.
24. *Шаляпин Ф.* Страницы из моей жизни. Л.: Книжная палата, 1990. 464 с.
25. *Шаляпин Ф.* Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М.: Московский рабочий, 1989. 384 с.
26. *Гущик В.Е.* На краю: рассказы. Tallinn: Panorama, 1931. 192 с.
27. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. Преступление и наказание. 423 с.
28. *Оконнель-Бронин Ф.А.* [Следственное дело] // ERAF. F. 130SM. Nim. 1. S. 8025.
29. *Гущик В.Е.* «Великое сердце» (Еще одна страница из жизни Максима Горького). Воспоминания // ОР ИРЛИ. Архив В.Е. Гущика. Ф. 820. Оп. 1. № 13.
30. *Лавринец П.* Пушкинианство Дорофея Бохана // Пушкинский сборник: К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина: материалы междунар. конф. «А.С. Пушкин: два века русской литературы», 26–29 апреля 1999 г. / сост. и отв. ред. Е. Костин. Вильнюс, 1999. С. 143–150.

**BACK TO THE USSR: KUPRIN AND GORKY REPRESENTED BY
V.E. GUSHCHIK (1938–1940)**

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2017, 1(7), pp. 53–70. DOI: 10.17223/24099554/7/3

Timur Guzairov, University of Tartu (Tartu, Estonia). E-mail: tguzaиров@gmail.com

Keywords: V.E. Gushchik, war, emigration, ideological translation, USSR.

The paper is prepared within Project IUT 34-30 “Ideology of Translation and Interpretation of Ideology: Mechanisms of Cultural Dynamics under the Russian Empire and Soviet Power in Estonia in the 19th–20th Centuries.”

The study is based on two texts of the Russian emigrant Vladimir E. Gushchik (1892–1947): the article “Kuprin has left” (1938) and the unpublished essay “The Great Heart (Another page of M. Gorky’s life). Memories” (1940). Analysing the articles and the history of the writer’s relationships with his contemporaries, the author focuses on how Gushchik perceived and assessed social and cultural figures who lived in emigration and in the USSR. This method allowed describing two stages in the ideological evolution of the former Northwestern Army officer N.N. Yudenich, who, since the late 1930s, was getting more loyal to the USSR to become a secret agent in the spring of 1940, a few months before the annexation of Estonia. Personal contacts between Kuprin and Gushchik, who exchanged books and held correspondence, demonstrated their warm friendly feelings and gave each of them creative impulses. Gushchik perceived Kuprin as a literary and personal authority, which determined the complete acceptance of his position in the article “Kuprin has left.” As it follows from Kuprin’s letters to Gushchik, the writer, who had returned from emigration, agreed to remain silent and not to criticise the USSR in the exchange for maintenance and quiet life. Kuprin’s death was an important impetus to Gushchik’s reflections on his future, as it is reflected in “Prosaic poems (On the death of Kuprin)”, published in the collection of short stories “Life” (1939). The rapprochement with the Estonian, and later with the Soviet power in 1939–1940 seemed to the writer the right choice to escape from the growing sense of hopelessness. After the annexation of Estonia in July 1940, Gushchik was a member of the Ministry of the Interior and served as a boundary secretary, but in August he was transferred to the Tallinn City Administrative Department, and then appointed to the much less prestigious post as Director of the Zoo. On January 4, 1941, Gushchik was arrested by the NKVD. Two months before his arrest, in October 1940, he wrote his memoir of A.M. Gorky “The Great Heart”, which tells how Gorky tried to patronise the cartoonist P.E. Shcherbov. Gushchik emphasises that Gorky did not distinguish between his literary and defense activities. Gorky’s creativity and life are integral and inseparable, being united by the writer’s humanism. The writer is represented as an integral and disinterested, morally impeccable personality, an ideal role model to be admired.

References

1. Isakov, S.G. (1996a) Zhizn' i tvorchestvo V.E. Gushchika. Stat'ya I. Biografiya [The life and work of by V.E. Gushchik. Article I. Biography]. In: Danilevskiy, A. (ed.) *Blokovskiy sbornik XIII: Pamyati V.I. Bezzubova: Russkaya kul'tura XX veka: metropoliya i diaspora* [The Blok Collection 13: In memory of V.I. Bezzubov: Russian culture of the 20th century: Metropolis and diaspora]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. pp. 244–259.
2. Isakov, S.G. (1996b) *Russkie v Estonii, 1918–1940: Istoriko-kul'turnye ocherki* [Russians in Estonia, 1918–1940: Historical and Cultural Essays]. Tartu: Kompu.

3. Isakov, S.G. (2002) Gushchik Vladimir Efimovich (1892–1947) [Gushchik Vladimir Efimovich (1892–1947)]. In: Bogomolov, N., Tsurganova, E. & Chagin, A. (eds) *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940)* [Encyclopaedia of the Russian Émigré Literature, 1918–1940]. Vol. 3. Moscow: ROSSPEN. pp. 189–196.
4. Gushchik, L.K. (1994–2000) *Vladimir Gushchik. Gody zhizni* [Vladimir Gushchik. Years of life]. The Archive of S.G. Isakov. Tartu University Library. Fund 157. List 2. File 177. pp. 90–95.
5. Gushchik, V.E. (1938) *Zhizn'. Pyatyy sbornik rasskazov. Kniga sed'maya* [Life. The Fifth Collection of Short Stories. Book 7]. Bruxelles: Petropolis.
6. *Panorama. Illyustrirovannyi nomer 15 dney.* (1931). 1–5.
7. Gushchik, V.E. (n.d.) [Investigation case]. *European Regional Development Fund (ERAF)*. Fund 129 SM. List 1. pp. 2349–1.
8. Bulatov, A.A. (n.d.) [Investigation case]. *European Regional Development Fund (ERAF)*. Fund 129 SM. List 1. pp. 25572.
9. Roerich, E.I. (2000) *Pis'ma: V 9 t.* [Letters. In 9 vols]. Vol. 2. Moscow: MTsR, Blagotvoritel'nyy fond imeni E.I. Rerikh, Master-Bank.
10. Molchanova, K.A. (ed.) (2001) *Nepreryvnoe voskhozhdenie. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya Pavla Fedorovicha Belikova (1911–1982): v 2 t.* [Continuous ascension. To the 90th anniversary of the birth of Pavel Fedorovich Belikov (1911–1982): In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: MTsR; Master-Bank.
11. Kuprin, A.I. (1988) “Chem talantlivee chelovek, tem trudnee emu bez Rossii ...”. Iz pisem A. I. Kuprina V.E. Gushchiku [“The more talented a person is, the more difficult it is for him without Russia . . .”]. From A.I. Kuprin's letters to V.E. Gushchik. *Literaturnaya gazeta*. 17th September.
12. Kuprin, A.I. (1987) Neizvestnye pis'ma A.I. Kuprina iz Parizha v Tallin [The unknown letters of A.I. Kuprin from Paris to Tallinn]. *Raduga*. 4. pp. 71–77.
13. Gushchik, V.E. (1929) *Khristovy yazychniki* [Christ's Gentiles]. Tallin: V. Gushchik.
14. Gushchik, V.E. (1934) *Lyudi i teni: Sbornik rasskazov* [People and Shadows: A Collection of Stories]. Book 3. Tallin: Russkaya kniga.
15. Chukovsky, K.I. (2011) *Dnevnik: v 3 t.* [Diary: In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Pro-zaiK.
16. Kuprin, A.I. (1961) *Povesti i rasskazy: V 2 t.* [Short novels and stories: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Goslitizdat.
17. Gushchik, V.E. et al. (1938) *Potok Evrazii* [The Flow of Eurasia]. Book 1. Tallinn: Libris.
18. Gushchik, V.E. (1940) *Nash prezident Konstantin Yakovlevich Pyats* [Our President Konstantin Päts]. Tallinn: Libris.
19. Gushchik, V.E. (1946) *Kuprin Aleksandr Ivanovich (Moi vospominaniya). Materialy dlya sostavleniya biografii pisatelya A.I. Kuprina. Avtograf. Vsamodel'noy tetrad* [Materials for A.I. Kuprin's biography (My memoirs). Autograph. In a self-made notebook]. Department of Manuscripts, Institute of Russian Literature. Fund 220. List 1. File 12.
20. Anon. (n.d.) *Koolide raamatukogude mittevajaliku venekeelse kirjanduse üleandmine vene vähemusrahvuse koolidele ja avalikele raamatukogudele. Alustatud 19. IV. 1939. Lõpetatud 21. V. 1940.* ERA. Fund 1108. Nim. 7. pp. 297. (In Estonian).
21. Gushchik, V.E. (1939) *Antikhrist* [Antichrist]. Tallinn: Libris.
22. Borisov, A. (2004) “Chem blizhe tyl, tem zhit' v nem... gazhe”. A.I. Kuprin i V.E. Gushchik [“The closer the rear, the worse it is to live in it.” A.I. Kuprin and V.E.

Gushchik]. *Molodezh' Estonii*. 24th January. [Online] Available from: www.moles.ee/04/Jan/24/21-1.php. (Accessed: 1st February 2017).

23. Bunin, I.A. (2006) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t.* [Complete Works. In 13 vols]. Vol. 9. Moscow: Voskresen'e.

24. Shalyapin, F. (1990) *Stranitsy iz moyey zhizni* [Pages of my life]. Leningrad: Knizhnaya palata.

25. Shalyapin, F. (1989) *Maska i dusha. Moi sorok let na teatrakh* [The Mask and The Soul. My Forty Years in Theaters]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.

26. Gushchik, V.E. (1931) *Na krayu* [On the Edge]. Tallinn: Panorama.

27. Dostoevsky, F.M. (1973) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works. In 30 vols]. Vol. 6. Leningrad: Nauka.

28. Okonnel-Bronin, F.A. (n.d.) [Investigation Case]. *European Regional Development Fund (ERAF)*. Fund 130SM. List 1. pp. 8025.

29. Gushchik, V.E. (n.d.) "Velikoe serdtse" (*Eshche odna stranitsa iz zhizni Maksima Gor'kogo*). *Vospominaniya* ["The Great Heart" (Another page of M. Gorky's Life). Memo-ries]. Department of Manuscripts, Institute of Russian Literature. Fund 820. List. 1. File 13.

30. Lavrinets, P. (1999) Pushkinianstvo Dorofeya Bokhana [Pushkinianism of Dorofey Bohan]. In: Kostin, E, (ed.) *A.S. Pushkin: dva veka russkoy literatury* [A. Pushkin: Two Centuries of Russian Literature]. Vilnius: Vilniaus Universitetas. pp. 143–150.